

ОТВЕТ НА КРИТИКУ

М.В. Рац

Институт развития им. Г.П. Щедровицкого

С.И. Котельников

НИИ культурологии Минкультуры РФ

Аннотация: *Критические замечания В. Беляева использованы авторами для рефлексии, расширения пространства мышления и уточнения ряда своих позиций. Показано также, что основная претензия критика по поводу якобы присущего нашей работе «пренебрежения реализационными трудностями» несостоятельна.*

Ключевые слова: *критика, методология, модерн, деятельностный подход, проект, реализация.*

Мы благодарны В.А. Беляеву, сделавшему в своей монографии [Беляев 2015б] подробный критический разбор первой, уже опубликованной части нашей работы [Рац и Котельников 2014]. Посвящённая нашей работе глава 4 называется «Проект „мыследеятельностно-ориентированного“ общества и реализационная диалектика модерна». Впечатления Беляева интересны нам неожиданным подходом автора к предмету обсуждения: мы не рассматривали свою работу в контексте проблематики модерна-постмодерна. Признаем такой взгляд плодотворным, но, с нашей точки зрения, он требует гораздо более основательной проработки, чем сделанная пока критиком.

Несколько слов о контексте

Для адекватного понимания наших разногласий с В. Беляевым нужно хотя бы коротко охарактеризовать контекст, в котором развёртывается критика нашей работы. Его монография строится «как критический анализ набора конкретных позиций относительно модерна в целом или отдельных его ракурсов» [Беляев 2015б]. Что позволяет, по замыслу критика, «совершить несколько ходов от усечённой рефлексии относительно модерна, варианты которой представлены теми или иными авторами, к более полной рефлексии о нем», на которую он претендует (там же). Что подразумевается под «рефлексией относительно модерна» автор не поясняет, но, если понимать эти слова буквально, то никакой такой рефлексии, даже и «усечённой» в нашей работе нет. Поэтому не сразу понятно, каким образом её критический анализ может помочь в решении поставленной автором задачи.

Подчеркнём с самого начала, что, к сожалению, у нас нет возможности анализировать его работу в целом (помимо всего прочего мы не считаем себя достаточно компетентными

для этого). Поэтому, рекомендуя её заинтересованным читателям, здесь мы будем говорить именно и только о контексте, а далее ограничимся ответом на адресованную нам критику. Заранее воспользуемся случаем провести рефлексию собственной работы, поскольку намереваемся в ближайшем будущем завершить и опубликовать заключительные её разделы. Но придется затронуть ещё и представления Беляева о традиции Московского методологического кружка (ММК): это вторая глава («Логика и методология в контексте диалектики модерна») упомянутой книги. С одной стороны, нам не все равно, что о ней говорится, поскольку мы причисляем себя к этой традиции и в её рамках стараемся работать. С другой, из этой главы, по идее, должно стать понятно, как наша работа (в которой, повторяем, не было до сих пор ни слова о модерне) попала в сферу интересов Беляева и даже интерпретируется им как «усечённая рефлексия относительно модерна».

Впрочем, ответ напрашивается уже из общей части названия двух книг критика, посвящённых модерну: «Конструируем модерн...» [Беляев 2015а, 2015б]. Для чего производится это конструирование; кто и как, по мысли автора, может и/или должен использовать результаты его работы; как подбирался материал для нее — прямых ответов на эти вопросы мы не нашли. Зато узнали, что наш критик считает модерн проектом¹, а методологию и, в частности методологию в версии ММК рассматривает как неотъемлемый элемент так понимаемого модерна. Каковы реальные основания такой интерпретации методологии не ясно², но хоть какой-то контекст вырисовывается, и замысел автора проясняется. Что касается ММК, то приходится ещё заметить, что наряду с опубликованными первоисточниками деятельностному подходу вообще и его версии, разработанной в ММК, посвящена обширная литература³, видимо, прошедшая мимо внимания критика. (Во всяком случае, никаких следов знакомства с иными взглядами мы в работе критика не нашли.)

Имея в виду первую из основных претензий Беляева в наш адрес (по поводу самоопределения в контексте современной мысли — см. далее), обозначим хотя бы в двух словах свою позицию по занимающим его темам. Оговоримся только, что «теория модерна» вообще и «реализационная диалектика модерна», в частности (о второй мы поговорим далее особо), —

¹ Не то, чтобы он его помыслил среди прочего как проект, а прямо так и сообщает читателям, кратко отвечая на вопрос, «что такое модерн?». «Это уникальный в истории антропоцентрический проект», причём «по объёму это понятие равно понятиям „новоевропейская культура“ или „новоевропейский мир“» [Беляев, 2015а]. Точка зрения сколь понятная, столь же и спорная, а для нас приемлемая лишь в качестве одного из аспектов обсуждения (возможно, Беляев это и предполагает, но об этом можно только гадать). «Проект модерна» в целом мы считаем продуктом позднейшей исторической реконструкции, далеко не исчерпывающей ответа на вопрос, что такое модерн. Конечно, тут неизбежно всплывает в памяти классическая монография Ю. Хабермаса [Хабермас 2003], но Беляев обходится без её обсуждения.

² Беляев говорит лишь о своих личных проективных представлениях по этому поводу. Вот, если «выйти на разговор о связи философских позиций с социокультурными системами» и затем трактовать модерн как реализацию «определённой мировоззренческой стратегии», то тогда «методология должна будет (sic! — М.Р., С.К.) занимать определённое место... и сможет говорить от имени модерна» [Беляев 2015б].

³ Монографии Ю. Березкина, В. Дубровского, С. Комарова и С. Кордона, В. Литвинова, В. Розина; сборники: Познающее мышление, Философы России — Г.П. Щедровицкий и др. Прежде всего, мы имеем в виду книгу Березкина [Березкин 2012] и том в серии «Философы России...». Мы вынуждены несколько отклониться от прямой дискуссии с Беляевым, чтобы отметить следующее обстоятельство. Посвящая традиции ММК наряду с главой 2 в данной монографии ещё и целую книгу [Беляев 2012], наш критик игнорирует не только эту богатую литературу, но даже опубликованные уже в десятках томов первоисточники, ограничиваясь обсуждением поздних работ В.М. Розина. При всём уважении к ним, надо сказать, что, будучи автором своей версии методологии (противопоставляемой версии Щедровицкого) Розин, говоря словами Беляева, представляет «усечённую рефлексию» СМД-подхода и методологии. При самом благожелательном отношении к работам Беляева, придётся признать, что, как минимум, название его книги вводит читателя в заблуждение: речь в ней идёт не о методологии вообще и не о традиции ММК конкретно, а об её интерпретации В. Розиным. Получается такая интерпретация интерпретации. Понятно, что основное содержание традиции ММК (стратегическая позиция, пространственная организация мышления, программирование, базовые методологические схемы) легко остаётся при этом за рамками обсуждения. В значительной мере со сказанным связаны и недоразумения при анализе нашей работы.

это предмет специального интереса и занятий критика, но вовсе не наш. Тем не менее, у нас есть свои взгляды на этот счёт, видимо, заметно отличающиеся от представлений Беляева, как, впрочем, и взгляды многих других авторов. Нам, например, вовсе не очевидно, что, как он утверждает, реальности всего западного мира это и есть модерн в целом. Для нас модерн — понятие историческое и притом «рукотворное». Его соотнесение с современным западным миром, далеко не однозначно: оно зависит от того, как мы конструируем само понятие (ср. примеч. 1). Мы возражаем также против квалификации нашей позиции как постмодернистской, даже и при такой своеобразной интерпретации этой позиции В. Беляевым как якобы позиции «реализационной критики модерна»⁴.

Для нас модерн и постмодерн, прежде всего, — исторические эпохи с характерными для них конstellациями подходов и взглядов. Причём «портрет» модерна неизбежно связан с его трактовкой как обозначения современности и соответствующего поворота мысли к проблематике модернизации [Капустин, 1998; Бауман, 2008]. Эпоха постмодерна далеко не завершилась, но сквозь неё прорастают новые подходы и взгляды, включая методологию ММК, которую мы квалифицировали бы в этом контексте как **неомодернистскую**. Мы говорим о неомодернизме, имея в виду сохранение (хотя и в переосмысленном виде) ценностей разума и свободы при смене характерных для XVII–XVIII веков натуралистических подхода и мировоззрения деятельностными. Поэтому, между прочим, мы лишь частично (имея в виду ретроспективный взгляд) можем согласиться с тем, что методологическая позиция «имеет смысл только в рамках модерна и является в определённом смысле квинтэссенцией модерна, его предельной схемой» [Беляев 2015б].

Более продуктивными нам кажутся другие повороты мысли. Например, можно поставить и прорабатывать вопрос о различении модерна как эпохи перехода от традиционного общества к современному, с одной стороны, и Просвещения, как эпохи и особого комплекса идей, развитие которого (случайно или нет) совпало с «осевым временем» модернизации. (Как, скажем, совпала с ним эпоха классицизма и барокко: разумеется, все эти вещи связаны, но, чтобы говорить о связи или её отсутствии, нужно их сперва различить между собой.) В таком повороте можно было бы признать идеи ММК «квинтэссенцией» модерна (но отнюдь не Просвещения). Однако, во-первых, всё это нужно ещё сделать, а, во-вторых, такой поворот мысли, кажется, достаточно далёк от построений Беляева.

Если оставить эти замыслы на будущее и говорить пока о нашем отношении к философии эпохи модерна/Просвещения и порождённой ею традиции, то нам нужны здесь некоторые различия.

А именно, мы положительно относимся к линии рационализма и, говоря словами М. Вебера, «расколдовывания мира», которую считаем важнейшей. Мы вместе с тем, не будучи оригиналами, полагаем, что доминанта инструментального употребления разума при явном дефиците рефлексии ведёт к трагическим ошибкам. Если угодно, именно против этой доминанты мы и выступаем в обсуждаемой работе. Напротив, наше отношение к идее освобождения человека вполне позитивно. В этом плане мы считаем себя наследниками русской освободительной мысли, представленной именами Радищева, Сперанского, Чаадаева, Пушкина, Герцена, но никак и никоим образом не революционного движения — от народолюбцев до большевиков. Это движение мы скорее противопоставили бы освободительной мысли, что связано с принципиальным для нас различием освобождения как перманентного процесса и свободы, которую, якобы, можно однажды и навсегда завоевать [подробнее о наших ценностях см.: Рац 2011]. Соответственно неоднозначно наше отношение к классическому либерализму. Мы говорили об этом в обсуждаемой статье⁵, но критик игнорировал наши суждения.

⁴ Конечно, и в данном случае надо было бы говорить о нашей трактовке постмодерна, но это увело бы нас слишком далеко в сторону. Да мы и не готовы к такому повороту сюжета.

⁵ «Рассматривать ли такое (наше — М.Р., С.К.) движение мысли как «ревиизию» и развитие концепции либерализма или как намётку некоего нового «изма» («девелопизма» — ?) — вопрос, решение которого мы остав-

Между прочим, мы видим некую аналогию между вопросом о самоопределении ММК в мировой философской мысли и нашим (М.Р., С.К.) самоопределением по отношению к традиции либерализма.

Всё это, впрочем, за рамками нашего прямого ответа критику, но в перспективе возможного продолжения диалога.

Для понимания наших излагаемых ниже возражений Беляеву важно ещё следующее. Разбирая нашу статью, критик проходит мимо того оговоренного в её тексте обстоятельства, что это только часть большой работы. Он делает свои выводы о проекте, который ещё и сейчас не завершён, неявно исходя из гипотезы о линейной логике авторов, согласно которой сначала излагаются основания, а затем развёртывается содержание работы. Но мы работаем в совершенно другой логике, известной специалистам, как «стратегия сплавщика». Она, в частности, предполагает периодический пересмотр сказанного ранее в свете получаемых по ходу движения мысли новых результатов и выводов. У организованной таким образом работы появляется своя *история*, которая в нашем случае ещё не закончена.

В этом отношении преждевременная критика, так сказать, «критика авансом» вдвойне полезна авторам, поскольку мы можем учесть её в продолжении своей работы. Вообще рефлексивные паузы, связанные с уточнением позиции, пересмотром принятых форм организации, используемых методов и средств, для нас естественны. В данном случае такая пауза вызвана полученной критикой. Вместе с тем мы обеспокоены пониманием происходящего наиболее важной для нас группой читателей, которые вникают в суть дела и наряду с нашей первой статьёй прочли и критику В. Беляева. Интересующий читателей «сухой остаток» состоял и состоит у нас совсем не в том, о чем пишет рецензент, почему мы вынуждены не просто продолжать работу с учётом полученных замечаний, но и отвечать на них сразу.

За два года, прошедшие после написания обсуждаемой статьи, мы продвинулись в своей работе и даже несколько уточнили как свои ориентиры, так и намечавшуюся в начале траекторию движения. Прежде всего, подчеркнём одно требование, которое мы предъявляем к самим себе в нашей проектно-аналитической работе: оно сформулировано в нашей статье о власти [Рац, Котельников, 2015]. Это реализация идеи парресии [Фуко 2008, 2011б], как требования интеллектуальной честности. Вопреки кажимости, это трудновыполнимое требование, удовлетворить которому можно посредством предельно возможной рефлексивности, с одной стороны, и максимального внимания к критике со стороны сторонников конкурирующих проектов и вообще инакомыслящих, с другой. Это требование мы стараемся реализовать, в частности, здесь и теперь.

Наш «пафос», говоря словами Беляева, направлен теперь не столько против механизации человеческого общества, сколько против её первопричины — отношений господства/подчинения⁶. Это они уничтожают *деятельность*, сводя её к бездумному исполнению, т. е. *поведению*, и их предельным случаем оказывается мегамашинная организация. В связи с этим в третьей части работы [Рац и Котельников, 2015] вопреки первоначальному плану основным предметом анализа оказалось понятие власти и сопряжённое с ним понятие правления. Более того, замечания В. Беляева наводят на мысль, что именно отношения господства-подчинения редуцируют наш разум до инструментального. Действительно, если мы вынуждены исполнять спускаемые «сверху» приказы и поручения, то нам остаётся только думать о средствах исполнения. «Начальству» же вообще думать нет нужды, поскольку проблематизировать его

ляем открытым» (с. 201).

Здесь и далее для облегчения текста мы убираем цитаты из обсуждаемой статьи [Рац, Котельников, 2014], подтверждающие наши тезисы, в примечания, указывая только номера страниц.

⁶ Впрочем, такая смена курса намечалась и ранее. Мы уже два года назад писали: «Во второй части работы мы будем конструировать систему правления для деятельностного мира, где должна быть исключена власть человека над человеком...» [Рац, Котельников 2014: 180].

в таких условиях некому⁷.

Поскольку, однако, эти соображения были нашему критику неизвестны, отвечая ему, мы вынуждены сделать шаг на два года назад и отстаивать позиции, уточняемые и частично пересматриваемые нами по ходу работы. Такова экспозиция. Но перейдём к содержанию критики. Для начала несколько общих тезисов.

Наши разногласия

1. По-своему интерпретируя наш проект, критик инкриминирует нам «пренебрежение реализационными трудностями». Вокруг этого тезиса и в связи с ним развёртываются основные замечания и соображения критика. В предисловии к своей книге Беляев [Беляев 2015б] прямо говорит, что его «критический анализ направлен на это „пренебрежение реализационными трудностями“». Мы покажем далее, что такое обвинение не соответствует действительности, а тогда оказывается, что критический анализ направлен против тезисов самого критика, которые он приписывает нам без всяких на то оснований. Для простоты можно считать это недоразумением, хотя недоразумением плодотворным. (Что, заметим, много интереснее справедливой, но пресной критики.) При этом ряд замечаний и соображений рецензента мы принимаем: одни помогут нам в дальнейшей работе, а другие полезны для артикуляции нашей позиции здесь и теперь, в ходе их обсуждения.

2. Профессионально занимаясь философией, В. Беляев и свою статью посвящает преимущественно философским, даже историко-философским аспектам нашей работы. Но работа «Власть или управление?», как очевидно уже из её названия, не является философской. По своему жанру это *проект*, содержащий развёрнутые *организационные предложения*, относящиеся к системам и способам правления, прежде всего в России. (Более артикулированная фокусировка интересов на России стала ещё одним результатом уточнения наших позиций.) Вместе с тем, мы отправляемся от своих подходов и мировоззренческих оснований, т. е. по необходимости затрагиваем и философскую проблематику. Поэтому критика В. Беляева важна для нас, и мы даём нанеё развёрнутый ответ, несмотря на то (и это надо подчеркнуть с самого начала), что она не касается содержания наших предложений.

3. Говоря об исходных позициях нашей работы, важно различать собственно философско-методологические основания — для нас это деятельностный подход и деятельностная картина мира, — с одной стороны, и ту традицию общественно-политической мысли, к которой мы себя относим. Как свидетельствует богатый опыт, между этими двумя сторонами нет прямой связи, и наши коллеги, живущие в деятельностных представлениях, имеют очень разные общественно-политические позиции. Мы покажем, что, вроде бы понимая сказанное, критик, к сожалению, не только смешивает эти вещи, но и подменяет первую второй. Вместе с тем, поскольку данный вопрос актуален, особенно в сегодняшней российской действительности, и требует специальной проработки, мы постараемся выполнить её в ближайшем будущем.

Однако прежде чем переходить к более подробному обсуждению наших разногласий, мы должны обратить внимание на другой, уже конкретный, но принципиальный пункт адресованной нам критики.

⁷ Что же касается упомянутых предельных ситуаций, когда отношения господства-подчинения превращаются в прямое физическое насилие, люди теряют человеческий облик. Как писал в 1934 г. акад. И. Павлов, «человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человеком. И с другой стороны, тем, которые превращены в забытых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства» [«Пошадите же родину и нас» б/г]. Во второй половине прошлого века этой теме была посвящена большая литература, как психологической (знаменитые опыты С. Милгрэма и др.), так и социально-философской (Х. Арендт, З. Бауман и др.) направленности.

А именно, полную ясность нужно внести в вопрос с инкриминируемым нам «традиционным философским пафосом который Беляев видит в претензии на истинность: „я знаю, в чем состоит неистинное, я знаю, где расположена истина“». Или, по-другому, что для нас, якобы, новизна разрабатываемого проекта «состоит в „правильной“ (курсив наш — М.Р., С.К.) постановке проблемы и решения, основанной на мыследеятельностном подходе, выработанном в рамках ММК». Но наша установка диаметрально противоположна такому пафосу, и ни о какой вообще «правильной» постановке или решении проблем у нас нет и не может быть речи⁸. Видимо, и это обвинение придётся списать на счёт недоразумения.

В данном случае при первой же публикации нынешнего замысла [Рац 2013] мы начинали буквально с того, что строили идеальную модель (государственной) оргуправленческой деятельности, предназначенной для использования *в качестве одного из возможных ориентиров* при разработке и реализации программ развития страны и при формировании текущей политики. Рецензент, разумеется, мог и не читать указанной работы, но ведь и непосредственно в тексте разбираемой им статьи специально подчёркивается, что, согласно нашему замыслу, предлагаемые решения должны критиковаться, проблематизироваться и переосмысливаться до того, как из них будут — если будут! — делаться какие бы то ни было практические выводы⁹.

Иными словами, смысл нашей работы вовсе не в том, чтобы предлагать какие-то спасительные «правильные» рецепты, что приписывает нам критик, и что несовместимо с нашими взглядами. Никаких рецептов мы не даём, у нас совсем иная задача: *расширить пространство мысли* по самым животрепещущим вопросам нашего общежития. На этой задаче мы и сосредоточимся далее, оставляя приписываемые нам спасительные рецепты на совести Беляева.

Основной пафос критика понятен из названия главы, посвящённой нашей работе: «Проект „мыследеятельностно-ориентированного“ общества и реализационная диалектика модерна». В уже цитированном предисловии [Беляев 2015б] он так и квалифицирует нашу работу, как «новый реализационный проект „открытого“ общества». Но дело в том, что в разбираемой работе мы вообще не представляем никакого проекта *общественного устройства*¹⁰. Это очередное недоразумение, возможно, объясняется тем, что «открытое общество» для Беляева — только абстрактная философско-политическая идея, а для нас сверх того — обозначение определённого и очень непростого общественного устройства. Мы обсуждаем только один, хотя и важнейший его момент: *систему правления*.

Но самое важное при этом, что организация системы правления для нас неразрывно связана именно с проблематикой реализации замыслов, и выделение этих двух сторон как сторон одного и того же вопроса для нас принципиально. *Мы предлагаем строить систему*

⁸ Следуя Г.П. Щедровицкому, мы специально писали об этом в другой работе: Диалог, коммуникация... — это разговор, участники которого не только имеют свои определённые позиции, но и готовы хотя бы частично пересматривать их под давлением аргументов противника. Если вы априори уверены в своей стопроцентной правоте и знаете, «как жить», то никакой диалог невозможен в принципе: знание Истины ведёт не к решению спорных вопросов, а на баррикады [Рац и Котельников, 2012].

⁹ «...Пока что мы делаем лишь первый шаг из трех на пути реализации нашего замысла. Второй шаг предполагает обсуждение, критику и проблематизацию предлагаемой ниже идеальной картины с последующей её доили переработкой. Только на третьем шаге целесообразен переход к программе действий, ориентированных на движение в сторону принимаемых идеалов, которые могут далеко уйти от предлагаемых изначально здесь и теперь. Таким образом, здесь мы предлагаем не ответ на классический вопрос „Что делать?“ (в сегодняшней России), а материал для предварительного обсуждения этой темы. Попросту говоря, с учётом безмерной ответственности решения, прежде чем отрезать, предлагается семь раз отмерить и опробовать предлагаемую схему в собственной деятельности».

¹⁰ «...Мы согласны с И. Шапиро..., чей «политический идеал избегает конструирования «правильной» модели общества и предписаний того, как её достичь. Он скорее обращён к энергии и изобретательности людей, к их способности создавать практики, противодействующие господству или предотвращающие его появление» [Рац, Котельников 2014: 178].

правления именно в логике реализации замыслов, причём совершенно независимо от их содержания: собственно, это основная идея нашего проекта¹¹.

Критик не видит этого ключевого момента и, подробно обсуждая «реализационную диалектику модерна» вообще, полностью игнорирует наши соображения по поводу реализации предлагаемого проекта, которые парадоксальным образом и составляют его содержание. Отсюда возникает упоминавшееся и неожиданное для нас утверждение Беляева о «пренебрежении реализационными трудностями» с нашей стороны. Он поясняет, что «между проектом и его реализацией лежит много чего, что делает реализацию любого проекта неидеальной». Но ведь именно работе с этих трудностями в значительной мере и посвящена наша статья. Причём мы рассматриваем их не «вообще», а предметно, анализируя, например, стыковку работы политиков с управленцами, управленцев с чиновниками и т. п. Здесь сказывается недостаточное знакомство критика с основными положениями деятельностного подхода, да и мы виноваты, не сделав в тексте статьи соответствующей оговорки. Кроме того, нужно было ввести представления о специфичной для ММК программной организации работы (Щедровицкий 1999), в рамках которой опубликованный проект выступает лишь как один из её элементов. А именно, как желаемая картина будущего, которой ещё будет противопоставлена картина фактического состояния дел, в то время как объемлющей рамкой для всего целого оказывается как раз рамка реализации (т. е., мы работаем в известной коллегам схеме «шага развития»)¹².

По-видимому, этим можно объяснить и то странное в ином случае обстоятельство, что Беляев проходит мимо центральной в статье схемы — «схемы лестницы», раскрывающей содержание и структуру реализационной деятельности. Эта схема никак не укладывается в его критические суждения. Поэтому повторяем: мы предлагаем не проект общественного устройства, а *проект организации деятельности*, обеспечивающей реализацию преобразовательных замыслов, которые при этом могут и, как правило, будут соответствующим образом модифицироваться.

Кстати, о целевой и реализационной логиках. В нашем проекте они «приписаны» к определенным позициям, которые видны на «схеме лестницы» и особым образом взаимодействуют между собой: в целевой логике работает политик, в реализационной — оргуправленец. «Диалектическая противоположность» логики (Беляев) переводится тем самым в организационный план. Как свидетельствует предварительный анализ, подобное «разделение труда» в наше время может оказаться очень эффективным средством преобразовательной деятельности. Чтобы было понятнее, о чем идёт речь, нужно мысленно «зайти» в позицию политика или управленца. (Заметим, кстати, что такое организационно-деятельностное употребление схем — одна из важнейших особенностей традиции ММК).

К этой ключевой (тут мы согласны с Беляевым) теме мы ещё вернёмся. Пока же рассмотрим подробнее другие важные для нас критические соображения оппонента.

Другие замечания критика

Они развёртываются, начиная со своеобразной интерпретации Беляевым наших суждений, посвящённых деятельностному подходу. Здесь приходится пояснять вроде бы очевидные вещи: предельно лапидарная характеристика используемого подхода призвана в нашей статье

¹¹ Более того, «мы... считаем, что, меняя наш мир..., упор надо делать не на конечную цель, а на принимаемые нами формы организации и способы действий. То, что будет получаться в итоге, прежде всего, будет зависеть от них» [Рац, Котельников 2014: 179].

¹² Кстати, полезно заметить, что у идеологии общественных преобразований есть своя история: от «оппортуниста» Э. Бернштейна [Политическая мысль...1991] через «частичную социальную инженерию» К. Поппера [Поппер 1993] до программной организации Г. Щедровицкого и работ его ученика С. Попова [Попов 2002 и др.].

дать самое первое представление об этом предмете. Просто, чтобы пояснить читателям, далеким от методологии, «какого мы роду-племени», откуда и как выводятся наши собственные представления по теме статьи, посвящённой отнюдь не деятельностному подходу, а сугубо частным его приложениям. Совершенно очевидно, что в прикладной работе мы не ставили цели и никак не могли дать развёрнутое описание подхода, компенсируя этот пробел ссылкой на фундаментальные труды Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 143–155]. Тем более, в наши планы не могла входить реконструкция истории деятельностного подхода, вовсе не имеющей прямого отношения к теме статьи. Мы полагаем, что это вполне актуальная отдельная большая работа для историков философии, каковыми себя никак не считаем.

При этом, однако, приходится принять к сведению представленную Беляевым интерпретацию нашей позиции. Нам следовало в тексте статьи сделать оговорку, что наши ссылки на деятельностный подход носят служебный характер и не могут использоваться как основные для каких-либо обобщающих суждений о нем.

Разумеется, критик, профессионально занимающийся философией, имеет полное право на оригинальные построения в этой области. В частности, интересным нам кажется и намечаемое им соотнесение деятельностного подхода с идеями Просвещения. Но это серьезная заявка, и «ассоциации», возникающей в сознании критика, на которую он ссылается, для этого явно недостаточно. Как недостаточно (при сопоставлении наших идей с идеями эпохи Просвещения) апелляции к некоему «пафосу». Тем более что в своей реконструкции нашей концепции автор игнорирует положения, важнейшие для нас и деятельностного подхода вообще. Тут мы просто обязаны возражать.

Согласно Г.П. Щедровицкому [Щедровицкий 1995: 154], суть деятельностного подхода состоит в «переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового на средства и методы нашей собственной мыследеятельности, творящей объекты и представления о них» (Цитата приведена и в нашей статье). Но никакого отношения к этой сути дела в статье В. Беляева мы не находим. Точно так же, как и к особо выделенному в нашем тексте [Рац, Котельников 2014: 158] противопоставлению мышления и деятельности, с одной стороны, и их (мышления и деятельности) продуктов и организованностей¹³ самого разного рода, — с другой.

Эту основополагающую для *подхода и мировоззрения* оппозицию он подменяет оппозицией власти и управления, определяющей для той *частной темы*, которой мы занимаемся в разбираемой им работе. Произведённая подмена становится на следующем шаге основанием совсем непонятной операции. А именно, различные упоминаемые нами «объекты», невзирая на их категориальную принадлежность (мышление и деятельность, общество, государство, личность, индивид и др.) произвольно тасуются критиком и распределяются по двум группам¹⁴. Одна из них приписывается (со ссылкой на нас!) к власти, вторая — к управлению. Из чего делается основополагающий для критика вывод, «что подход, который авторы называют «деятельностным», является трансформой просвещенческой стратегии», «он никак не противопоставлен просвещенческому». Речь идёт даже о том, что мы вообще ратуем за возврат к принципам Просвещения. Хотя от подхода, о котором шла речь вначале, на этом этапе рассуждения Беляева уже и следов не осталось. Под натиском подобных фантастических интерпретаций мы вынуждены повторить, что в этом пункте, наверное, недостаточно подробно из-

¹³ Понятие организованности (мышления и деятельности) специфично для деятельностного подхода. Так перекаатегоризуются все «объекты» реального мира, что позволяет затем говорить об объектах в более узком и определённом значении, как об организованностях, прошедших особую проработку, называемую объективацией.

¹⁴ «Итак, на стороне „властных отношений“ такие понятия как „натуралистический подход“, „человеческое общежитие“, „государство и право“... На противоположной стороне (т. е., на стороне управления — М.Р., С.К.) понятия: „деятельностный подход“, „мышление“, „деятельность“, „рефлексивно-диалогические отношения“, „управленческая деятельность“». В ряд понятий, противопоставленных «властным отношениям», далее авторы располагают и понятия «индивид» и «личность».

ложили свои представления и не сделали необходимых оговорок. Но в итоге, как ни обидно, получается, что в силу тех или иных причин критик недостаточно вник в предмет обсуждения.

Это о подходе в целом. Но далее, каким образом (опять же ссылаясь на нас!) Беляев противопоставляет властным отношениям взятые вместе понятия «индивид» и «личность» — притом, что наши антропологические представления строятся на их оппозиции (табл. 1 обсуждаемой критиком статьи). Или, скажем, на каком основании Беляев относит право и государство к группе, приписываемой к власти (и противопоставляемой «группе управления»)? С нашей точки зрения, ровно наоборот: управление формируется именно благодаря развитию и распространению идей права, противостоящих субъектной власти. Точно так же управленческая функция государства издавна считается одной из ведущих. Если же, различив власть и управление, представлять их так, как мы предлагаем, то именно эти две функции оказываются для государства конституирующими, и именно их соотношение мы специально обсуждаем в п. 2.2.5 [Рац, Котельников 2014: 192–194]. И т. д., и т. п.

Мы не будем заниматься здесь «реабилитацией» деятельностного подхода: попытка В. Беляева свести его к либеральным идеям эпохи Просвещения попросту несерьёзна. Эти идеи, напомним, относятся не к подходу, а к нашей, авторской позиции в данной работе, и в этом качестве мы ещё к ним вернёмся. Не будем, однако, вдаваться в подробности, тем более что сам Беляев подводит итоги своему критическому анализу, внятно формулируя две основные претензии к нам.

Важна первая из них: вопрос, «... Почему авторы, как представители традиции ММК, не пытаются сообразовать свою позицию с западной рефлексией? Они ссылаются на западные имена, но они не занимаются выяснением своего места среди стратегий и подходов». Если говорить о традиции ММК, претензия эта направлена явно не по адресу: самоопределение СМД-методологии в истории и в контексте современной западной мысли — задача всего нашего (следующего традиции ММК) сообщества, а отнюдь не нашей, повторяем, прикладной работы. Тем не менее, данное направление мысли нас живо интересует, а потому мы начали свой ответ с фиксации отношения к этой теме в занимающем нашего критика плане, т. е., в части, касающейся так называемого проекта модерна.

Второе замечание — недостаточная проблематизация существующей ситуации. «Если авторы считают, что отвечают на вызов дефектной реализации свободного общества, то они ... должны показать, как именно сквозь структуру либерального общества развёртываются „машинности“, превращающиеся затем в ... „мегамашины“». С этим замечанием мы в принципе — с учётом частично сделанных выше уточнений — согласны и можем ещё кое-что добавить.

Здесь важно ещё раз заявить, что наши предложения изначально базируются отнюдь не на «правильных основаниях», как настаивает критик, а на подходе, который никогда последовательно к теме правления не применялся. Мы делаем это впервые, а потому, конечно, ни о каких «гарантиях», требуемых критиком, не может быть и речи, но надежды на некоторое продвижение мысли мы питаем. И думаем, что в такой теме даже маленький шаг вперед был бы уже большим достижением. Если пользоваться примером Беляева с автомобилями, то наша ситуация больше напоминает замысел автомобиля с водородным двигателем: кто знает, чем это кончится?! Причём именно замысел, поскольку проект находится в стадии проработки.

Тут, наверное, надо поподробнее, чтобы понятно было. Критик нам инкриминирует, что мы, не проанализировав наличные формы правления, взялись проектировать новые. Он по-своему прав: где гарантия, что мы не наступим на те же грабли? Но смотрите, вот Маркс, которого он нам ставит в пример, всё проанализировал, и, несмотря на это, кончился его проект полным безобразием. То есть, от риска здесь не уйти, можно только попробовать свести его к минимуму. Здесь кстати вспомнить опыт проектно-изыскательских работ: речь же, в сущно-

сти, об изысканиях для проектирования. Так вот этот опыт говорит, что двигаться надо шагами. Если общее представление об условиях будущего строительства есть, то надо переходить к проектированию, потому что условия эти нам не предзаданы и зависят от того, что предполагается строить. И Маркс, кстати, действовал именно так: «Манифест» (эскизный проект) был написан в 1848 г., а «Капитал» (и даже «К критике политической экономии») — анализ существующей системы писался позже (причём так и не был дописан). Вообще же, не имея хотя бы эскизного проекта, заниматься анализом можно до бесконечности.

Мы на лавры Маркса не претендуем (они, с нашей точки зрения, принадлежат ММК), но действуем ровно по этой логике, и не просто так говорили, что наша работа не закончена. Примерно-то мы себе существующие условия представляем, замысел или эскизный проект предложили, а детальный анализ существующих систем правления впереди. Мы именно этим сейчас и занимаемся. Поэтому вполне резонны, но лишены смысла призывы Беляева признать непредсказуемость результатов возможной реализации нашего проекта. Мы много осторожнее нашего критика и пока претендуем не на реализацию, только на обсуждение, в том числе и неизбежных проблем с реализацией, которые могут изменить исходный проект до неузнаваемости.

«Машинное перерождение модерна» и правовое государство

Прихотливое движение мысли критика заставляет нас вернуться к вопросу о содержании проработок ММК. Никак не считаясь с различием философско-методологической и общественно-политической мысли, концепции ММК и нашей прикладной узконаправленной работы, В. Беляев выдвигает странную для нас идею: «„базовый вопрос“ в отношении ММК» он видит в том, «как либерализовать имеющееся „закрытое“ общество?». Эта идея основывается на здравом, кажется, представлении о том, что «каждая традиция, как ответ на определённую систему жизненных вызовов, имеет свой „структурный вызов“ и „структурный ответ“». Но содержательно такой «базовый вопрос», как и все связанные с ним рассуждения (включая пример с кораблями), — чистая фантазия автора. Такой вопрос не имеет ничего общего с историей и традицией ММК, всегда делавшего упор не на либерализации, а на развитии мышления и деятельности в прямой и явной оппозиции к антропоцентричным концепциям Ренессанса и Просвещения. Говоря словами Г.П. Щедровицкого, область работы ММК «лежит вне политики — она касается значительно более глубоких механизмов».

Похоже, что здесь локализуется одно из наших ключевых разногласий: вспомним, что для Беляева модерн — «это уникальный... антропоцентрический проект». Между прочим, непосредственно связанные с антропоцентризмом вопросы либерализации закрытого общества, кажется, вообще в ММК никогда не обсуждались¹⁵. Хотя в публикациях перестроенного времени Г.П. Щедровицкий говорил о них прямо [Щедровицкий б/г.], но уже не успел их развернуть.

Очень показателен предлагаемый Беляевым развёрнутый позитивный ответ на вопрос «а как же надо проблематизировать „машинное перерождение“ модерна?». В связи с ним ставится вопрос о якобы необходимой для современного общества мегамашинной организации. Затем критик переводит второй вопрос в третий: «нужна ли модерну какая-либо форма господства над человеком?». В связи с обозначенным в начале нашего ответа уточнением вектора целеполагания такая переформулировка нас вполне устроила бы. Устроила бы, если бы не следующий «ход конем» (не подберём другого слова!) критика: «Я специально написал „над человеком“, а не „человека над человеком“. Это важный оттенок». Ещё бы не важный!!! Таким нехитрым способом В. Беляев «снимает» основополагающее для нашего проекта различие между властными отношениями господства-подчинения [Рац, Котельников 2014:

¹⁵ Не обсуждались, в частности, и давние работы одного из нас, специально посвящённые данной теме [Рац 1997; Рац 1999].

173–174] и нормоконтролем/нормотворчеством, тем, что мы назвали «работой власти» в системе деятельности над деятельностью [Рац, Котельников 2014: 181]. Но суть дела состоит в том, что, как понятно из контекста, да говорится и явно [Рац, Котельников 2014: 184], во втором случае речь идёт не о господстве человека над человеком, а о безличной власти закона. Мы сказали об этом не один раз, полагаем, что достаточно ясно¹⁶ и приводили даже цитату из указа Екатерины Великой: «...Надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов».

Итак, с нашей точки зрения, не только модерну, но любому цивилизованному обществу необходима «какая-либо форма господства над человеком». Весь вопрос в том, кто или что такое господство осуществляет. В нашем проекте это господство права, власть правового закона. Напротив, машинная организация возникает именно при господстве одних людей над другими. Для нас недопустимо смешивать эти совершенно разные вещи. Правовой закон не только не мешает свободе, но даже обеспечивает её. Мы цитировали не только Екатерину, но и классика либеральной мысли Б. Констана, который определял свободу как «право каждого подчиняться одним только законам», а никому и ничему помимо них. Именно в этом месте проходит граница, разделяющая нас с Беляевым (но, как мы увидим далее, вовсе не с Кантом, на которого он опирается). При нашем правопонимании, основанном на принципе формального равенства, власть закона становится препятствием на пути *субъективации власти*, а, следовательно, отношений господства/подчинения и мегамашинной организации. Разумеется, лишь в идеале, но мы и разрабатываем схему движения в этом направлении. В какой мере наша схема может быть реализована, покажет общественно-историческая практика. Нам же, если и поскольку мы не удовлетворены существующим положением дел, остаётся строить, сопоставлять и прорабатывать разные проекты, и чем их будет больше, тем лучше.

Вернёмся, однако, к дискурсу Беляева. В свете сказанного его «кантианские вариации» остаются искусством для искусства. Ибо мы совершенно согласны с Кантом, которого цитирует критик (а заодно и с Д. Юмом). Следует «так расположить некое число разумных существ, которые в совокупности нуждаются для поддержания жизни в общих законах, но каждое из которых втайне хочет уклоняться от них; так организовать их устройство, чтобы, несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений» [Беляев 2015б]. Но, подчеркнем ещё раз, всё это не имеет никакого отношения к мегамашинной организации, порождаемой отнюдь не бессубъектной властью закона, а лишь субъектной властью.

Вопреки мнению критика, верховенство права, а никак не машинная организация превращает «“злые устремления“ людей в публично конструктивное поведение». Кстати, последнее в нашей системе понятий называется *деятельностью* и противопоставляется *поведению*. При этом важнейшей формой воспроизводства деятельности оказываются институты, а поведения — мегамашины. Здесь, по-видимому, корень наших расхождений с Беляевым. Но независимо от нашей дискуссии с ним, для читателей полезно ещё добавить, что в дальнейшем, отправляясь от оппозиций власти и управления, а затем субъектной и бессубъектной власти, мы углубили и развернули акцентированные здесь соображения [Рац и Котельников, 2015]. Речь идёт, в сущности, о широко известной концепции правового государства, хотя мы и переосмысливаем её в рамках деятельностного подхода.

¹⁶ «В идеальной действительности чиновник как носитель своего особого типа деятельности олицетворяет власть закона, и в цивилизованном обществе XXI в. власть такого типа (не кого, а чего) нужно считать единственно приемлемой и легитимной в мирное время» [Рац, Котельников 2014: 190–191]. Субъектная власть..., в духе либеральной традиции, должна трактоваться как злоупотребление властью. В рамках нашей схемы легитимной можно признать только безличную власть блюстителей норм и руководителей — по позиции. Никакое физическое лицо само по себе в принципе не может обладать властью над другими людьми, или, как пишет Б. Манен, ссылаясь на родоначальников представительного правления, «никакое внутреннее превосходство не даёт одним людям право навязывать свою волю другим» (с. 205).

Однако уже и в прошлый раз мы показывали, что если «модерн внутренне чреват машинным перерождением, прорастанием мегамашинами», то причина здесь в субъектной власти, противостоящей власти закона. Именно она приводит к вырождению мыследеятельности в поведение, и мы детально сравнивали эти два проявления человеческой активности [Рац, Котельников 2014: 170–172]. Машинная организация является естественным результатом *поведения* как подвластных, так и властителей, в рамках которого исчезают все этические нормы, и человек уподобляется социальному животному. По-своему, называя результирующий феномен «банальностью зла», о том же полвека назад говорила Х. Арендт [Арендт 2008], а в конце прошлого века З. Бауман [Бауман 2010]. Мы полагаем, что промежуточным итогом в этом движении мысли можно считать схему «процесс-механизм» [Рац, Котельников 2014: 193], давшую ясное понимание «диалектики» (как любит говорить наш критик) осуществления нововведений в рамках действующего («старого») закона. В идеальной действительности тем самым исключается машинное перерождение институтов, и становятся маргинальными революционные методы преобразований.

Всё это, разумеется, никак не снимает проблем реализации преобразовательных замыслов — особенно крупномасштабных — в социогуманитарной области. Они могут ставиться и решаться только конкретно в ходе программно организуемой деятельности. Что, в частности, и отличает современную деятельность над деятельностью (Д/Д) от работы с косным материалом (Д/М), на опыт которой ориентировались мыслители эпохи Просвещения. Но это фундаментальное (в частности и для нашей дискуссии) различие не фигурирует в работе Беляева. Между тем, мы строим свою работу, отправляясь именно от него, и в данном случае первым шагом была наша разбираемая критиком статья.

В целом, похоже, что при всех отмеченных разногласиях наши с В. Беляевым позиции идеологически близки (как минимум, мы все хотим жить в открытом мире). Но в их содержательном развёртывании мы идём разными путями: предположительно сходным образом отвечая на вопрос «Что?», но, кажется, по-разному на вопрос «Как?». Это типовая ситуация, с ней и надо разбираться. Здесь мы выходим за рамки данной конкретной дискуссии с В. Беляевым. Мы видим здесь перспективу взаимного обогащения с коллегами и движения мысли уже без жёсткой привязки к нашему проекту, а более широким фронтом — в рамках объёмлющей его программы. Иными словами, мы предложили бы перефокусировать внимание в дискуссии (если она будет иметь продолжение) с представлений о будущем на вопросы их реализации в настоящем, здесь и теперь, в России 2010-х годов.

P.S. Между прочим, что касается «закрытости методологической традиции ММК», о которой говорит в контексте первой своей претензии Беляев, то она, несомненно, имела место и была, как справедливо отмечает критик, результатом исторических условий середины прошлого века. Но «продлевать» эту закрытость на постсоветские времена несколько странно. Ибо в это время нашим сообществом издавалось два журнала («Вопросы методологии» и «Кентавр»), вышло множество работ «внешних» авторов, посвящённых ММК и СМД-методологии, а сами методологи (и мы в том числе) публиковали и публикуют свои работы в общедоступных изданиях, включая СМИ. Теперь ситуация совершенно иная, и мы связываем её с тем, что за полвека своей истории наше сообщество выработало свой язык, свою непростую систему взглядов и представлений, требующих значительных усилий и времени для освоения и понимания извне.

Повторяем: мы благодарны В. Беляеву за предпринятую им попытку понимания, давшую нам повод расширить контекст своей работы. Мы обязаны ему новым, кажется, плодотворным поворотом мысли и надеемся, что дело не закончится этим нашим обменом мнениями. Со своей стороны, мы готовы и дальше работать на преодоление сложившейся замкнутости.

Благодарим Б.Г. Слепцова за полезное обсуждение замечаний критика и первой редакции нашего ответа.

- Арендт Х. 2008. *Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла*. — М.: Европа.
- Бауман З. 2008. *Текущая современность*. — СПб.: Питер.
- Бауман З. 2010. *Актуальность Холокоста*. — М.: Европа.
- Беляев В.А. 2012. *Методология ММК (Московский методологический кружок): Наука и эзотерика*. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Беляев В.А. 2015а. *Конструируем модерн: посткультурный и интеркультурный аспекты. Проектно-системный подход*. — М.: ЛЕНАНД.
- Беляев В.А. 2015б. *Конструируем модерн: методологический и диалектический аспекты*. — М.: URSS.
- Берёзкин Ю.М. 2012. *Основания деятельностной методологии*. — Иркутск: Издательство БГУЭП.
- Капустин Б.Г. 1998. *Современность как предмет политической теории*. — М.: РОССПЭН.
- Политическая мысль... 1991. *Политическая мысль Европы конца XIX — начала XX века. Хрестоматия*. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Попов С.В. 2002. *Методология организации общественных изменений – Этюды по социальной инженерии*. — М.: Эдиториал УРСС.
- Поппер К. 1993. *Нищета историцизма*. — М.: Прогресс.
- Пощадите же родину и нас... Б/г. *Протесты академика И.П. Павлова против большевистских насилий*. — Доступно: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/pav95ist.htm>. — Проверено: 24.08.2015.
- Рац М.В. 2011. Управление и развитие. — *Диспозиции. Сборник статей участников семинара «Управленческие и методологические практики» 2010–2011*. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/projects/seminar/practice>. — Проверено: 24.08.2015.
- Рац М.В. 2013. Концептуальный проект государственной деятельности: политика, управление, власть. — *Полис. Политические исследования*. — № 2.
- Рац М.В., Котельников С.И. 2012. Государство, власть и общество после 4 марта. — *Политическая концептология*. — № 3. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.3/06.pdf>. — Проверено: 26.08.2015.
- Рац М.В., Котельников С.И. 2014. Власть или управление? — *Политическая концептология*. — №1. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/00.pdf>. — Проверено: 26.08.2015.
- Рац М.В., Котельников С.И. 2015. Власть или управление? — *Политическая концептология*. — №3. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.3/03.pdf>. — Проверено: 26.08.2015.
- Философы России... 2010. *Философы России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий*. — М.: РОССПЭН.
- Фуко М. 2008. Дискурс и истина. — *Логос*. — №2. — Доступно: http://www.intelros.ru/pdf/logos_02_2008/07.pdf. — Проверено: 26.08.2015.
- Фуко М. 2011. *Управление собой и другими: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–83 учебном году*. — СПб.: Наука.
- Хабермас Ю. 2003. *Философский дискурс о модерне*. — М.: Издательство «Весь Мир».
- Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. — М.: Шк.Культ.Полит.
- Щедровицкий Г.П. 1999. *Программирование научных исследований и разработок*. — М.: Просвещение.
- Щедровицкий Г.П. Б/г. *Библиография работ*. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio>. — Проверено: 15.09.2015.